СТРЕМНИНА НЕУСТРОЕННОГО ВЕКА

Около двух месяцев осталось до знаменательной в истории металлургического комбината даты: 65-летия со дня первой плавки стали. Жаль, конечно, что некогда мощнейшее мартеновское производство уходит в небытие: из 35 агрегатов и печей осталось только пять, и, похоже, их участь тоже предрешена.

Справедливо было бы отметить это событие в стенах, видевших зарево первой мартеновской плавки. Но где-то с полгода назад покосившийся пульт управления первой печи со снятыми с его стен мемориальными досками стал сиротливо глядеть пустыми глазницами окон на котлован, оставшийся от демонтажа агрегата. Потом не стало и его...

Производство стали на ММК получило дальнейшее развитие в конвертерном цехе. Но не следует забывать первых сталеплавильщиков Магнитки. Об одном из них — старшем мастере второго мартеновского цеха Константине Михайловиче Матюшенко — наш рассказ.

Горим желанием работать

«Октябрь-декабрь 1930 года
Цех мартеновский
Товарищ Матюшенко Константин
Заводоуправление имени тов. Ворошилова, учитывая Вашу примерную образцовую труддисциплину, проявленную вами на производстве, а также и Ваши производственные достижения по выполнению задания промфинплана в штурмовом квартале — премирует Вас тужуркой кожаной, дамскими ботинками с галошами и пальто детским.

Директор завода «Югосталь» Соловьев».

Пятью годами позже мастер печей первого блока, только теперь уже мартеновского цеха Магнитогорского завода или, как все чаще стали говорить — металлургического комбината, К. Матюшенко в газете «Магнитогорский рабочий» делится своим опытом:

«Хорошая работа печей зависит только от нас самих, от нашей организованности и поворотливости. Что нам помогло в стахановскую двенадцатидневку взять первенство — получить переходящее красное знамя, которое мы держим и сейчас?

Работа у нас организована лучше, чем на других блоках. Отдельные заминки, встречающиеся в процессе работы, мы устраняем быстро, на ходу.

Почти все сталевары в нашей третьей бригаде — молодежь. Они достигли неплохой квалификации при моей активной помощи. Я их учил, рассказывал, а если этого было мало, то брал лопату и показывал, как нужно заправлять печь или делать ту или иную работу.

Теперь эта молодежь горит желанием работать по-стахановски, показывать образцы в работе. Возьмите сталевара Филимошина. Он недавно стал сталеваром и соревнуется сейчас со сталеваром Макаровым, хотя Макаров имеет гораздо больший опыт.

У нас выросло много стахановцев, которых мы раньше не замечали. Я помог подготовиться из сталеваров в мастера тов. Грибову. Грибов без всякого стеснения обращается ко мне в моменты затруднения, я ему охотно помогаю.

До стахановских декад на печи № 1 всегда были горы мусора. Сейчас этого нет. Мы крепко стали бороться за чистоту рабочего места. В нашей бригаде один другому помогает в работе. Поэтому и работа у нас идет лучше и веселей. Плохо только наша администрация реагирует на просьбы стахановцев. Семья у меня в 7 душ. Недавно приехал сын — командир танка. Второй работает на автобазе, и три дочери учатся. Я строю свой дом на 11-м участке. Не хватало у меня 5 килограммов гвоздей для того, чтобы можно было из сарая переехать в помещение. Мои убедительные просьбы к тов. Ягонсон были бесполезны, не помогла она мне в этом деле»...

Школа жизни

В 1936 году накануне перевода мастера Матюшенко в обер-мастера второго блока мартеновского цеха в красном уголке его и сталевара Макарова в присутствии жены и дочери чествовали аплодисментами и цветами за хорошую работу. Это было нарушением привычного порядка в жизни Матюшенко. Здесь он был бессилен возражать: встречу организовал совет жен инженерно-технических работников. Женщины говорили речи, им бурно аплодировали. Константин Михайлович от волнения мало что слышал: сидел, уткнувшись в букет цветов, боялся показать свое взволнованное лицо.

Собрание потребовало, чтобы несколько слов произнес Матюшенко. Люди ждали, что старый мастер по обыкновению заговорит звонко. Но лишь первые ряды услышали взволнованный голос.

— Товарищи, говорить я не умею, зато сталь сварю, какую только потребует наш Серго или Клим Ворошилов. Наша смена первенства никому не уступит. Мне вот 61 год...

Здесь оратор взглянул на собрание. Сотня родных людей слушала его, как отца, любовно встречая каждое слово. Суровый мастер не выдержал и заплакал слезами радости.

После обеда в доме Матюшенко, где его гостями были лучшие стахановцы, командиры цеха и женщины из совета жен ИТР, профорг отозвал хозяина:

— Что же ты, Константин Михайлович, в красном уголке хорошую речь было начал и оборвал?

Они сели на диван. Матюшенко уже оправился от конфуза. Лицо снова было бодрое, глаза горели молодостью, голос звучал уверенно:

«От обиды, нужды и горя я никогда не плакал и не заплачу. А от радости не мог сдержаться, да и зачем? Я думаю, что собрание простит старику невольную слабость...

Когда я посмотрел на здоровые, свежие лица наших красавцев-мартеновцев, вспомнил, что мне стукнул 61 год. Вспомнил, как сорок лет назад и я был сильным, здоровым, имел все, кроме работы и хлеба. Нас были сотни, таких ребят — один другого лучше. Чуть свет-заря являлись мы к воротам завода Бельгийского акционерного общества в Енакиево. Как бога ожидали десятника. А вдруг кто-либо из нас ему понравится, и он скажет: «Ну-ка, друг, подойди».

Пять месяцев я дежурил у проклятых заводских дверей и дождался заветного дня. Десятник, выйдя из конторы, вдруг поманил меня пальцем:

— А ну-ка, друг, подойди сюда...

Зачислили меня в мартеновский цех. Пять смен в неделю работал по 12 часов, а шестую — 24, потому что очередная смена отдыхала.

Год подметал в цехе, год возил тачку, через пять лет получил должность подручного сталевара. Еще через пять, это было уже в Луганске, добрался до печи — стал сталеваром. 10 лет учился, ставил «магарычи», но мастера выпивали водку, а секретов своих не раскрывали. Только после того, когда у меня в руках оказалась вся печь, начал я разгадывать секреты сталеварения.

И меня называли счастливцем, потому что другие получали сталеварское право лишь через 15-20 лет, когда начинали харкать кровью.

Когда я приехал в 1934 году в Магнитогорск, начальник цеха заявил:

— Будете работать мастером на четырех печах, но имейте в виду, что будет пущено еще восемь печей, подумайте насчет кадров.

Разговор с начальником я понял так, что нужно готовить сталеваров на месте. Как только осмотрелся, изучил людей, стал подбирать кандидатов в сталевары прямо из чернорабочих. Надо мной посмеивались: мол, колхозников набрал Матюшенко. А подойдите теперь к этим «колхозникам» — Любицкому, Мартынюку, Максименко, Серикову — хорошо работают, ставят новые рекорды. Оказывается, не нужно 10-15 лет вкалывать, чтобы стать стоящим сталеваром, а хватит и двух лет.

Меня иногда ругают, что я не доверяю технике и больше надеюсь «на глазок». Нет, я заставляю сталеваров пользоваться контрольно-измерительной аппаратурой, учу их проверять свою работу. У нас ненадежны приборы «Аскания», часто химлаборатория дает неверные анализы, но когда перепутают, например, реактивы, тогда и анализ неверный. Сталевар и мастер обязаны сопоставить лабораторные показания с анализом, уметь разбираться по внешним, физическим признакам.

Я учу, чтобы не печь управляла сталеваром и варила, что получится, а чтобы сталевар управлял печью...»

О блестящих результатах новатора свидетельствует собственноручная запись известного на Магнитке сталевара Алексея Грязнова: «Товарищ Матюшенко К.М. работает во втором мартеновском цехе обер-мастером производства. Матюшенко — лучший стахановец из мастеров. При его активном участии поставлен ряд рекордов по выпуску плавки. Под его руководством сталевар Шелыгин дал плавку за 6 часов 40 минут и премирован мотоциклом. Мне с активной помощью т. Матюшенко также удалось поставить рекорд. Плавку сварили за 6 часов 30 минут вместо 12-ти.

Матюшенко является авторитетным товарищем среди рабочих-мартеновцев. За октябрь 1937-го его цех держит переходящее красное знамя комбината».

В брошюре, посвященной пятилетию ММК имени И. В. Сталина, отмечается: «По почину известного мариупольского сталевара М. Мазая, по призыву нашего любимого наркома товарища Серго Орджоникидзе развертывается соревнование и среди сталеваров Магнитогорска. Сталевар-комсомолец Бурашников 16 января сварил плавку за 7 часов 30 минут весом 190 тонн, дав съем с одного квадратного метра пода печи 9,24 тонны стали. Сталевар Лопухов 19 января дал съем 9,48 тонны, сталевар Шалыгин в тот же день сварил плавку в 200 тонн за 6 часов 45 минут и дал съем — 10,83 тонны. Лучший сталевар Мартынюк, бывший колхозник ЦЧО, приехавший на завод только три года тому назад, прекрасно овладел техникой сталеварения и систематически дает наивысшую производительность. Сталевары Магнитки борются за достижение повседневного съема в 12-13 тонн — с тем, чтобы покончить с отставанием в производстве стали».

Всем сердцем за новую жизнь

Сталеплавильщик К. Матюшенко, чья жизнь прошла на заводах Юга в суровой борьбе за существование, был ослеплен грандиозностью стройки и громадьем нарождающейся индустрии Урала. Он полностью поверил в новую жизнь и свой опыт и знания передавал молодежи, ничего не требуя взамен. Да разве можно было не поверить пламенным словам тогдашнего директора комбината Авраамия Завенягина:

«Будучи уже сейчас самым крупным по выпуску металла заводом Союза, Магнитогорский завод не достиг, однако, еще и половины своей мощности. Мы должны построить еще 6 батарей коксовых печей, 4 доменных и 17 мартеновских печей, 2 блюминга и 4 прокатных стана. Работы по второму мартеновскому цеху в составе 8 печей, второму блюмингу и 3 прокатным станам ведутся. Начаты работы по 5 домне и пятой коксовой батарее.

При общей стоимости комбината по генеральной смете — 2025 млн рублей – на 1 января 1937 года затрачено 1125 млн. По окончании строительства ММК будет выпускать ежегодно 4300 тысяч тонн чугуна, 4770 тысяч тонн стали, 3710 тысяч тонн проката, 4260 тысяч тонн кокса, 8100 тысяч тонн руды.

Магнитогорцам еще много и много надо потрудиться, чтобы с успехом закончить стройку, пустить вторую половину агрегатов и полностью освоить завод.

Мы имеем еще огромные резервы для дальнейшего увеличения производительности действующих агрегатов, особенно мартеновских печей. Нам еще очень далеко до овладения действительными полными мощностями наших агрегатов, но мы как никогда полны бодрости и веры в наши силы. И на стройке, и на заводе выкованы многочисленные кадры рабочих-стахановцев и инженеров, которые каждый день добиваются новых и новых рекордов, казавшихся почти немыслимыми еще вчера.

Магнитогорцы любят свой завод...»

И как его было не любить? Разве сравним он с заводами Юга, где почти кустарное производство? Ширина, размах, вольница новой жизни! Правда, требуется держать дисциплину, а как без нее в том же мартеновском цехе? Сталеварение налагает ответственность, требует умения организованно справиться с жидким металлом. Константин Михайлович и кадры подбирал ответственно: не ставил кого попало к управлению агрегатом. Многие из тех, кого он воспитал не только как технологов, но и как организаторов производства, прославились сами и прославили комбинат своим трудом.

Пели необыкновенно, от всего сердца

Фотографии мартеновцев-передовиков производства украшают страницы городской газеты. Вот Матюшенко в ряду стахановцев завода, вот наш герой с женой Ольгой Куприяновной и дочерьми Альбиной и Шурой у себя дома... Его старший сын Иван Константинович работает машинистом миксерного крана, второй сын Бронислав — в автобазе слесарем, дочь Александра учится на втором курсе педагогического института, дочери Альбина и Нина — в школе-семилетке. Ежемесячный заработок в семье не менее 2000-2500 рублей. Семья Матюшенко выстроила собственный дом, имеет велосипеды, радиоприемник, музыкальные инструменты. Мать семейства, Ольга Куприяновна, любовно ухаживает за огородом, садиком.

Другая заметка рассказывает о семейном празднике в честь хозяина — победителя цехового соревнования, лучшего стахановца завода. Константин Михайлович по этому случаю принимал гостей: жен инженерно-технических работников завода, руководителей мартеновского цеха. Семейный хор вместе с гостями во весь голос пел: «Легко на сердце от песни веселой...» «Пели необыкновенно, пели от всего сердца за счастливую жизнь стахановцев, за счастливую жизнь всех трудящихся Магнитки».

Умер... от сердечной астмы

...Радостно встречают трудящиеся страны 20-ю годовщину Октябрьской социалистической революции. И вместе с ними — семья Матюшенко. А уже в следующем, 1938 году, черная беда пришла в дом стахановца: первого марта Константина Михайловича арестовали. При обыске, как утверждает протокол, составленный сотрудником НКВД Володько, обнаружены две двухстволки, мелкокалиберная винтовка, патроны, капсулы, гильзы. Арестовали по 58 статье, осудили на 10 лет без права переписки. С тех пор семья о его судьбе ничего не знала. Только в 1957 году дочери получили справку о реабилитации, на основании которой выдано свидетельство о смерти, где сказано, что Константин Михайлович умер... от сердечной астмы. Но в свидетельстве о смерти, выданном Магнитогорским ЗАГСом, значится, что Матюшенко умер 17 июня 1938 года и причиной его смерти стал расстрел.

После ареста жизнь ближайших родственников «врага народа» потекла совсем по другому руслу. В 1942 году погиб на фронте старший сын, умерла в тылу старшая дочь. Не выдержав смерти дочери и еще не зная о гибели сына, скончалась Ольга Куприяновна. Средний сын Константина Михайловича вернулся с фронта инвалидом, но как ближайший родственник «врага народа» не мог устроиться на комбинат. Умер от ран в 1953-м. По этой же причине не был призван на фронт младший сын. Нина Константиновна, вынужденно покинув Ленинградский химико-техологический институт, закончила Магнитогорский индустриальный техникум и до пенсии работала в Центральной лаборатории комбината. Альбина Константиновна с 1940 года трудилась старшим инженером по нормированию в ЦТД ММК. Наверное, не случись той трагедии, по-иному бы сложилась судьба этой семьи...

Г. ПОГОРЕЛЬЦЕВ.